

на уши навешанной», существует все-таки неистребимая гармония, которая только ждет творческого жеста, чтобы открыться, предстать перед глазами:

И, невзирая на блезир,
не жди подвоха,
странноприимен этот мир,
и темперирован клавир
не так уж плохо.

Старый парадокс заключается в том, что когда поэт внушает сам себе: мол, пиши пропало, — удивительным образом что-то прибавляется, а не пропадает. Видно, у поэзии всегда достаточно внутренних степеней свободы, чтобы оставаться собой. Да и ямбы с дактилями еще на что-то сгодятся.

Г. Кружков.

ТИМУР ГАЙДАР. Голиков Аркадий из Арзамаса. Документы, воспоминания, размышления. М. Политиздат. 1988. 318 стр.

Голиков—это Гайдар, ставший героем уже нескольких выпущенных книг, и вот — еще одна, особенная, написанная сыном. Книга содержит прекрасные страницы, воскрешающие историю создания «страны Гайдара»: привлекательного, жизнестойкого литературного мира, с которым более полувека не расстанутся читатели. Но, как ни странно, при всех своих достоинствах книга Тимура Гайдара не является принципиальным шагом вперед в познании этого мира и, пожалуй, оказывается даже некоторым отступлением по сравнению с другими работами.

Из прежних исследований мы знаем факты, в данном своде документов и воспоминаний просто отсутствующие, — факты, бывшие едва ли не центральными, по крайней мере в психологическом отношении, для формирования гайдаровской личности. Прежде всего это расстрел большой группы пленных, произведенный в годы гражданской войны по приказу Аркадия Голикова, будущего Гайдара. Мы не чувствуем себя вправе и даже не заинтересованы обсуждать здесь необходимость и оправданность подобных действий. Это дело военных историков. Но для понимания писательской психики, отразившейся в книгах, которые мы читаем и любим, знать о таких фактах необходимо. Ведь за подобные действия воевавший чуть ли не с детских лет Аркадий Голиков дважды исключался из комсомола, был исключен из партии и не восстановлен; едва не лишившись всех званий и наград, он закончил кадровую армейскую службу неизлечимым инвалидом на нервной почве. Причем помимо медицинской помощи Гайдар время от времени прибегал к такому «самолечению», которое могло служить разве что средством медленного самоубийства. А из его переписки с друзьями, опубликованной пока, к сожалению, только за рубежом, стало известно, в каком состоянии душевного дискомфорта существовал этот человек, запомнившийся сыну как «сильный, добрый, улыбчивый, справедливый, смелый».

Показания сына мы не только не ставим

под сомнение, но считаем их исключительно ценными, однако сложной задачи они не разрешают, а лишь усложняют ее. Скажем, забота, тень которой сын подчас замечал на светлом челе своего отца, была, надо полагать, не мимолетным воспоминанием о «молодости и своих на войне промахах», а неутихающей, неотступной внутренней болью, которую Аркадий Гайдар старался заглушить всеми средствами. Иначе говоря, не гармония, а глубочайшая дисгармония служила двигательной силой в создании гайдаровского мира, где действуют замечательные мальчишки и девчонки.

Мое мнение о Гайдаре таково: это наш Стивенсон, и ему суждена та же судьба, что выпала на долю знаменитого писателя-романтика, которого Гайдар, конечно, читал не бесследно для себя. Такие писатели со временем «взрослеют»: в их книгах, созданных вроде бы исключительно для детей, открывается недетское содержание. С Гайдаром в будущем произойдет, я думаю, то же самое. Когда отшумят наши страсти, лопнут дутые литературные величины, Гайдар как талант, наш советский Стивенсон, будет по-прежнему жить, но если полвека его читают как детского писателя, то лет через сто за него возьмутся и взрослые. И вот тогда будут особенно нужны полные свидетельства из первоисточника: что же это была за личность?

Тимуру Гайдару после краткого варианта воспоминаний об отце («Новый мир», 1986, № 7), переросших в эту книгу, следует, вероятно, подумать о втором ее издании с учетом новых, недавно появившихся данных об Аркадии Гайдаре.

Д. Урнов.

М. М. САФОНОВ. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. А. «Наука». 1988. 248 стр.

В последнее время в советской исторической науке наметился определенный поворот в сторону более глубокого осмысления сущности того, что традиционно определялось как «кризис мысли». Речь идет о пересмотре ценностей общественного прогресса, на которых основывалось Просвещение и которые самым безжалостным образом были попораны в эпоху «ужаса» (terreur) Великой французской революции. Появление монографии М. М. Сафонова является еще одним шагом к объективному и целостному изучению воздействия этой революции на русское общество.

По мнению автора, влияние французских событий на Россию отразилось в деятельности правящих верхов, осознавших необходимость перемен.

Система дворянских привилегий, получившая свое окончательное оформление в последней четверти XVIII века, явилась завершением поисков со времени смерти Петра I средств к стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Найденный выход — опора на господствующий класс путем максимального расширения его привилегий —